

A portrait of Joseph Stalin, the leader of the Soviet Union, with a prominent mustache, wearing a dark green military uniform. The background is a dark, grainy image of soldiers in a trench during a war.

ШАРЛЬ
ДЕ ГОЛЛЬ
ФРАНКЛИН
РУЗВЕЛЬТ
УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЬ

СТАЛИН

МАРШАЛ, ПОБЕДИВШИЙ В ВОЙНЕ

Великие вспоминают

Уинстон Черчилль

**Сталин. Маршал,
победивший в войне**

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 63.3

Черчилль У. С.

Сталин. Маршал, победивший в войне / У. С. Черчилль —
«Алисторус», — (Великие вспоминают)

ISBN 978-5-907149-74-8

Шарль де Голль, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль – выдающиеся политические деятели XX века, лидеры Франции, США и Англии в самые трудные, драматические моменты в жизни этих государств. Они неоднократно встречались с Иосифом Сталиным, вели переговоры о судьбах мира, о войне, об экономических проблемах в отношении своих стран и многом другом. В мемуарах, оставленных ими, представлен образ Отца народов каким они его увидели, – с множеством интересных подробностей и неожиданных штрихов. Несмотря на разность подходов к личности и политике Сталина, в воспоминаниях Черчилля, Рузвельта и де Голля присутствует высокая оценка его деятельности на посту руководителя советской державы. Книга иллюстрирована множеством уникальных фотографий посвященных встречам Сталина с этими великими политиками.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-907149-74-8

© Черчилль У. С.
© Алисторус

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	7
Начало Второй мировой войны	7
Отношения между союзниками. Малые страны	12
Перелом в войне. Балканы, Польша и Советы	22
Что будет с Европой?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вместо предисловия

Часть первая. Воспоминания Шарля де Голля. (из «Военных мемуаров»). Начало Второй мировой войны. Договор Сталина с Германией. Отношения между союзниками. Малые страны. Перелом в войне. Балканы, Польша и Советы. Что будет с Европой?. Переговоры со Сталиным в Москве. Ялтинская конференция. Дипломатическая победа Сталина. Окончание войны. Сталин отказывается идти на уступки

Начало Второй мировой войны. Договор Сталина с Германией

Отношения между союзниками. Малые страны

Перелом в войне. Балканы, Польша и Советы

Что будет с Европой?. Переговоры со Сталиным в Москве

Ялтинская конференция. Дипломатическая победа Сталина

Окончание войны. Сталин отказывается идти на уступки

Часть вторая. Воспоминания Уинстона Черчилля. (из книги «Вторая Мировая война»). Накануне войны. Пакт Молотова – Риббентропа. Война в России. Проблема второго фронта. Разговор со Сталиным. Разрыв русских с поляками. Правда о Катыни. Тегеран. Операция «Оверлорд». Судороги Европы. Восстание в Варшаве. Европа под властью Советов. Ялта. Судьбы мира. Переговоры Аллена Даллеса с немцами. Угроза для свободного мира. «Железный занавес»

Накануне войны. Пакт Молотова – Риббентропа

Война в России. Проблема второго фронта

Разговор со Сталиным

Разрыв русских с поляками. Правда о Катыни

Тегеран. Операция «Оверлорд»

Судороги Европы. Восстание в Варшаве

Европа под властью Советов

Ялта. Судьбы мира

Переговоры Аллена Даллеса с немцами

Угроза для свободного мира. «Железный занавес»

Часть третья. Франклин Рузвельт о войне и маршале Сталине. (Из книги Э. Рузвельта «Мир его глазами» и Посланий Ф. Рузвельта к американскому народу). Встреча с Черчиллем. Разговор о России. Конференция в Касабланке. Причины отсутствия Сталина и де Голля. На пути в Тегеран. Можно ли доверять Сталину?. Тегеранская конференция. Первое впечатление о Сталине. Операция «Оверлорд» и позиция Черчилля. «Мы сумели поладить со Сталиным». «Челночные» полеты в Россию. Где соберется «Большая Тройка»? Ялтинская конференция. Поддержка маршала Сталина. Из посланий президента США Ф. Рузвельта. американскому народу

Встреча с Черчиллем. Разговор о России

Конференция в Касабланке. Причины отсутствия Сталина и де Голля

На пути в Тегеран. Можно ли доверять Сталину?

Тегеранская конференция. Первое впечатление о Сталине

Операция «Оверлорд» и позиция Черчилля

«Мы сумели поладить со Сталиным»

«Челночные» полеты в Россию. Где соберется «Большая Тройка»?

Ялтинская конференция. Поддержка маршала Сталина

Из посланий президента США Ф. Рузвельта. американскому народу

Вместо предисловия

Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя.

Из Посланий Ф. Рузвельта к американскому народу от 28 июля и 24 декабря 1943 года

В дни национальной угрозы Сталин старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как возждей извечной Руси.

Из «Военных мемуаров» Шарля де Голля

России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе её оказался жесткий военный возждей. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямолинейный и даже грубый в своих высказываниях. Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, и особенно для больших людей и великих народов. Сталин также произвел на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий...

Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны.

Из выступлений У. Черчилля 8 сентября 1942 года и 8 ноября 1945 года в британском парламенте

Часть первая

Воспоминания Шарля де Голля

(из «Военных мемуаров»)

Начало Второй мировой войны

Договор Сталина с Германией

Было ясно, что окончание Первой мировой войны не обеспечило мира. По мере того как Германия восстанавливала свои силы, она возвращалась к своим прежним притязаниям.

В то время как Россия была всецело занята своей внутрисполитической ситуацией, Америка держалась в стороне от европейских дел, Англия попустительствовала Берлину, чтобы Париж нуждался в ее помощи, а вновь созданные государства Европы были еще слабы и разрозненны, Франции одной приходилось сдерживать Германию. Она действительно старалась это делать, но действовала непоследовательно. Вначале наше правительство под руководством Пуанкаре применяло по отношению к Германии политику принуждения, затем, по инициативе Бриана, делало попытки к примирению с ней и, наконец, стало искать спасения в Лиге Наций. Однако германская угроза становилась все более реальной.

В январе 1933 Гитлер стал полновластным хозяином Германии. С этого момента события неизбежно должны были развиваться в стремительном темпе. Гитлер не терял времени. Уже в октябре 1933 он порвал с Лигой Наций и произвольно предоставил себе полную свободу действий в области вооружений. В 1934—1935 Германия предприняла огромные усилия в области производства оружия и укомплектования своих вооруженных сил. Национал-социалистический режим открыто заявлял о своем намерении разорвать Версальский договор и завоевать «жизненное пространство» для великой Германии. Осуществление такой политики требовало мощной, ударной армии, и Гитлер, разумеется, готовил всеобщую мобилизацию. Вскоре после прихода к власти он ввел трудовую повинность, а затем всеобщую воинскую повинность. Ему нужна была сильная армия вторжения, чтобы разрубить гордые узлы в Майнце, Вене, Праге, Варшаве и одним ударом вонзить германский меч в сердце Франции.

Адольф Гитлер выходит из самолета. 1935 год

Для людей осведомленных не было секретом, что фюрер намерен воспитать новую германскую армию в духе своих идей, он охотно прислушивался к мнению офицеров – сторонников стремительного маневра и высокого уровня подготовки войск, таких, как Кейтель, Рундштедт, Гудериан, группировавшихся ранее вокруг генерала фон Секта. Эти офицеры ориентировались на создание мощных бронетанковых частей, кроме того, было известно, что, разделяя взгляды Геринга, Гитлер стремился создать авиацию, которая могла бы тесно взаимодействовать с наземными войсками.

В ноябре 1934 стало известно, что Германия создает первые три танковые дивизии. В марте 1935 Геринг заявил, что вскоре Германия будет располагать сильным воздушным флотом, в состав которого, помимо большого количества истребителей, войдет также много бомбардировщиков и мощная штурмовая авиация. И хотя каждое из этих мероприятий являлось вопиющим нарушением Версальских договоров, свободный мир ограничился лишь «платоническими» протестами Лиги Наций.

1 мая 1937 на параде в Берлине впервые приняла участие полностью укомплектованная танковая дивизия и сотни самолетов. На зрителей – и в первую очередь на французского посла Франсуа-Понсэ и наших атташе – эта военная техника произвела впечатление такой мощной силы, которой может противостоять только равноценная сила. Но их донесения не заставили французское правительство пересмотреть ранее принятые решения.

11 марта 1938 Гитлер осуществил аншлюс Австрии. Он бросил на Вену механизированную дивизию, один вид которой склонил австрийцев к безоговорочному подчинению. Вместе с этой дивизией он к вечеру того же самого дня победоносно вступил в австрийскую столицу. Франция не сделала для себя никаких выводов из гитлеровского вторжения в нейтральную страну. Все старания были употреблены на то, чтобы утешить публику ироническими описаниями аварий, которые потерпели несколько немецких танков во время этого форсированного марша. Не было извлечено уроков также и из опыта Гражданской войны в Испании (1936—

1939), где итальянские танки и немецкая штурмовая авиация, даже при очень ограниченном их количестве, решали исход боя всюду, где бы они ни появлялись.

Жители Австрии приветствуют подразделения вермахта. 1938 год

В сентябре 1938, с согласия Лондона, а затем и Парижа, Гитлер захватил Чехословакию. За три дня до соглашения в Мюнхене, выступая в берлинском Спортпаласе, рейхсканцлер поставил все точки над «i», вызвав бурю восторженного ликования и энтузиазма. «Теперь, – кричал он, – я могу открыто заявить о том, что всем вам уже известно. Мы создали такое вооружение, какого мир еще никогда не видел!» 15 марта 1939 он добился от президента Гаха полной капитуляции и в тот же день занял Прагу. Затем 1 сентября Гитлер выступил против Польши.

Эмиль Гаха – президент Чехословакии с 30 ноября 1938 года по 14 марта 1939 года

Во всех актах этой трагедии Франция играла роль жертвы, ожидающей, когда наступит ее очередь. Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар СССР – вопросами оказания помощи Финляндии, бомбардировками Баку или высадкой войск в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией. Многие открыто восхищались Муссолини. Даже в правительстве кое-кто выступал за то, чтобы Франция добилась благосклонного отношения

дуче, уступив ему Джибути и Чад и согласившись на создание франко-итальянского кондоминиума в Тунисе.

Когда в сентябре 1939 французское правительство, по примеру английского кабинета, решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я нисколько не сомневался, что в представлениях государственных мужей господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет. Являясь командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, я отнюдь не удивлялся полнейшему бездействию наших отобилизованных сил, в то время как Польша в течение двух недель была разгромлена бронетанковыми дивизиями и воздушными эскадрами немцев.

Вмешательство Советского Союза, несомненно, ускорило поражение поляков. Но в позиции, которую занял Сталин, неожиданно выступив заодно с Гитлером, отчетливо проявилось его убеждение, что Франция не сдвинется с места и у Германии, таким образом, руки будут свободными, и лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой.

В то время как силы противника почти полностью были заняты на Висле, мы, кроме нескольких демонстративных действий, ничего не предприняли, чтобы выйти на Рейн. Мы также ничего не предприняли, чтобы обезвредить Италию, чего можно было достичь, предложив ей выбор между угрозой французского военного вторжения и уступками в обмен на ее нейтралитет. Мы ничего не предприняли, наконец, для того, чтобы объединиться с Бельгией путем выдвижения наших сил к Льежу и каналу Альберта.

Вдобавок ко всему официальное военное руководство считало эту выжидательную политику весьма удачной стратегией. Выступая по радио и в печати, члены правительства и в первую очередь его глава, а также многие другие видные политические и военные деятели всячески подчеркивали преимущества стабильной обороны, благодаря которой, говорили они, нам удастся без потерь сохранять нашу территориальную целостность.

В один из январских дней, будучи в Париже, я встретился с Леоном Блюмом. «Каковы ваши прогнозы?» – обратился он ко мне. «Весь вопрос теперь в том, нанесут ли немцы весной удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве». – «Вы так думаете?» – удивился Леон Блюм. – «Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязнуть в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бесстрашны против линии Мажино!»

Андре Леон Блюм – премьер-министр Франции с 4 июня 1936 года по 22 июня 1937 года

Вскоре разразилась гроза. 10 мая противник, предварительно захватив Данию и почти всю Норвегию, начал большое наступление на запад. Повсюду наступление вели механизиро-

ванные войска и авиация. Основные силы следовали за ними, но ни разу они не были введены в серьезные бои. Двумя группами, под командованием Гота и Клейста, десять бронетанковых и шесть моторизованных дивизий ринулись на запад. Семь из десяти бронетанковых дивизий, пройдя Арденны, через три дня вышли к реке Маас. 14 мая они форсировали ее в пунктах Динан, Живе, Монтерме и Седан. Их действия постоянно поддерживали и прикрывали четыре моторизованные дивизии и сопровождала штурмовая авиация. Немецкие бомбардировщики разрушали железнодорожные линии и стыки дорог в нашем тылу, парализуя тем самым наш транспорт. 18 мая, пройдя линию Мажино, прорвав наши боевые порядки и уничтожив одну из наших армий, эти семь бронетанковых дивизий сосредоточились вокруг Сен-Кантена, готовые в любую минуту двинуться на Париж или на Дюнкерк. Тем временем остальные три бронетанковые дивизии в сопровождении двух моторизованных дивизий, действуя в Голландии и в Брабанте, внесли разброд и смятение в ряды голландской, бельгийской, английской и двух французских армий общей численностью 800 тысяч человек. Можно сказать, что в течение недели исход сражений на Западном фронте был предрешен.

Отношения между союзниками. Малые страны

В 1941 в Европе война развернулась на огромном пространстве от Балтийского до Черного моря. Немецкое продвижение в России происходило чрезвычайно быстро. Однако каковы бы ни были первоначальные успехи гитлеровских армий, русское сопротивление усиливалось с каждым днем. Как в политическом, так и в стратегическом отношении это были события чрезвычайной важности.

Благодаря этим событиям Америка увидела, что ей представляется возможность для решительных действий. Конечно, нельзя было закрывать глаза на то, что в ближайшее же время Япония предпримет на Тихом океане диверсию огромных размеров, которая уменьшит масштабы и замедлит темп выступления Соединенных Штатов. Однако теперь можно было не сомневаться в выступлении американцев в Европе и Африке. И это обуславливалось тем, что большая часть германских вооруженных сил участвовала в гигантской аванюре на далеких просторах России, что англичане, с другой стороны, при содействии свободных французских вооруженных сил смогли обеспечить для себя на Ближнем Востоке прочные позиции и, наконец, тем, что оборот, который принимала война, должен был пробудить у порабощенных народов светлые надежды, а следовательно, и укрепить их боевой дух.

Теперь мне предстояло по мере возможности действовать на Вашингтон и Москву, способствовать развитию французского Сопротивления, поднять наши силы во всем мире и руководить ими.

Соединенные Штаты вносят в великие дела элементарные чувства и сложную политику. Так это проявилось в 1941 в их позиции по отношению к Франции. В то время как в глубинах американского общественного мнения предприятие генерала де Голля вызывало восторженные отклики, вся официальная Америка считала своим долгом относиться к нему с холодком или с безразличием.

Франклин Делано Рузвельт – президент США с 4 марта 1933 года по 12 апреля 1945 года

К тому же и личное отношение Рузвельта осложняло дело. Хотя я еще не имел случая встретиться с Франклином Рузвельтом, я мог по многим признакам догадаться, что он относится ко мне весьма сдержанно. Тем не менее я хотел сделать все от меня зависящее, чтобы Соединенные Штаты, которые готовились вступить в войну, и Франция, которая, по моему утверждению, никогда войны не прекращала, не пошли бы разными путями.

Что касается формы отношений, которую нужно было установить и о которой с жаром спорили дипломаты, политики и публицисты, то я должен сказать, что в данный момент она почти не имела для меня никакого значения. Реальный характер и содержание наших отношений представляли для меня неизмеримо большее значение, чем все чередующиеся формулы,

в которые вашингтонские юристы облекали факт «признания». Однако в связи с огромными американскими ресурсами и склонностью Рузвельта распоряжаться и диктовать свою волю во всем мире я чувствовал, что наша независимость явно находится в опасности. Короче говоря, если бы мне понадобилось предпринять попытку договориться с Вашингтоном, все это надо было учитывать, но вести переговоры следовало на равной основе.

Трофейная японская фотография, снятая во время атаки Перл-Харбора, 7 декабря 1941 года

Нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря ввергло Америку в войну. Можно было предположить, что отныне она будет считать «Свободную Францию», которая сражалась с общим врагом, своим союзником. Однако ничего подобного не произошло. Прежде чем Вашингтон в конце концов решился на это, пришлось пережить немало тяжелых превратностей. Так, например, 13 декабря американское правительство реквизирировало в своих портах пароход «Норманди» и тринадцать других французских судов, не потрудившись ни договориться с нами, ни даже уведомить нас об их использовании и вооружении. Несколько недель спустя «Норманди» загорелась при трагических обстоятельствах. В течение декабря обсуждался и был подписан двадцатью семью государствами акт Объединенных Наций, но нас среди них не было.

Впрочем, какова бы ни была юридическая позиция Вашингтона, какие бы чувства они к нам ни питали, вступление Соединенных Штатов в войну вынуждало их сотрудничать со «Свободной Францией». Прежде всего это пришлось сделать на Тихом океане, где в связи с молниеносным продвижением японцев наши владения в Новой Каледонии, а также Маркизские острова, острова Туамоту, острова Общества и даже Таити со дня на день могли сыграть существенную роль в стратегических замыслах союзников. Некоторые из этих островов уже были использованы в качестве авиационных и военно-морских баз. Кроме того, союзников очень интересовал каледонский никель, имеющий огромное значение для производства вооружения.

В то время как шаг за шагом и не без труда мы добивались дипломатического сближения между Вашингтоном и «Свободной Францией», с Москвой нам удалось завязать союзнические отношения сразу. Тот факт, что Россия оказалась втянутой в войну, открывал перед разгромленной Францией новые большие надежды.

Было ясно, что, если рейху не удастся сразу же уничтожить армию Советов, эта армия будет непрерывно наносить немцам тяжелые потери. Разумеется, я не сомневался в том, что если Советы внесут основной вклад в достижение победы над врагом, то в результате в мире возникнут новые опасности. Нужно было постоянно иметь это в виду, даже сражаясь с русскими бок о бок. Но я считал, что прежде чем философствовать, нужно завоевать право на

жизнь, то есть победить, а участие России создавало возможности для победы. К тому же ее присутствие в лагере союзников означало с точки зрения Сражающейся Франции некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством.

О начале военных действий между русскими и немцами я узнал 23 июня 1941 в Дамаске, куда я прибыл вслед за вступлением наших войск в город. Решение было принято мною без промедления. Уже 24 июня я телеграфировал нашему представительству в Лондоне следующие инструкции: «Не вдаваясь в настоящее время в дискуссии по поводу пороков и даже преступлений советского режима, мы должны, как и Черчилль, заявить, что, поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними. Не русские подавляют Францию, не они оккупируют Париж, Реймс, Бордо, Страсбург... Немецкие самолеты и танки, немецкие солдаты, которых уничтожают и будут уничтожать русские, впредь уже не смогут помешать нам освободить Францию».

В таком духе я и предлагал вести нашу пропаганду. Одновременно я рекомендовал нашей делегации посетить советского посла в Лондоне Майского и заявить ему от моего имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии. В связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой».

Переговоры привели к обмену 26 сентября письмами между мною и Майским. Посол СССР сделал заявление от имени своего правительства, что оно «признает меня в качестве главы всех свободных французов, (...) что оно готово установить связь с Советом обороны Французской империи по всем вопросам, касающимся сотрудничества с присоединившимися ко мне заморскими территориями, что оно готово оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе, (...) что оно исполнено решимости обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции...»

Немного спустя правительство СССР аккредитовало Богомолова своим представителем при Национальном комитете. Он сумел легко приспособиться к новым условиям, в которых ему предстояло выполнять свои обязанности. С этого времени я часто встречался с Богомоловым. В той мере, в какой во всех деталях предписанное ему поведение позволяло сохранять человеческие чувства, он проявлял их во всех своих делах и высказываниях. Непреклонный, настороженный, весь собранный, когда он передавал или принимал официальные сообщения, этот человек большой культуры оказывался в иной обстановке приветливым и непринужденным. Говоря о делах и людях, он не чужд был юмора и даже улыбки. Знакомство с ним убедило меня, что хотя советская система облекала своих слуг в железный панцирь без единого отверстия, под этим панцирем все же скрывался живой человек.

Со своей стороны для связи по военным вопросам мы направили в Москву генерала Пети. Советское правительство сразу же проявило к нему свою благосклонность и уважение. Его приглашали на совещания в штабах, организовали поездку на фронт, и он был принят Сталиным. Все это заставляло меня думать, что эта предупредительность преследовала не только профессиональные цели. Во всяком случае, известия, приходившие из различных источников, создавали впечатление, что русские армии, понесшие урон в первых сражениях с наступавшими немцами, постепенно вновь обретали свою силу, что весь народ целиком поднимался на борьбу и что в эти дни национальной угрозы Сталин старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси.

На стенах наших кабинетов висели карты, по которым мы следили за грандиозной битвой и наблюдали за развитием гигантских наступательных операций немцев. Три армейских группировки под командованием фон Лееба, фон Бока и фон Рундштедта за четыре месяца

проникли в глубь России, захватили сотни тысяч пленных и богатую добычу. Но в декабре на подступах к Москве благодаря решительным действиям Жукова, которым благоприятствовала суровая и ранняя зима, захватчики были остановлены, а затем и отброшены. Ленинград не пал. Севастополь еще держался. Становилось очевидным, что Гитлеру не удалось навязать немецкому командованию единственную стратегию, которая только и могла принести решительный успех, а именно – сосредоточение сил и всей техники в направлении столицы, чтобы поразить противника прямо в сердце. Несмотря на блестящие победы в Польше, во Франции и на Балканах, «фюреру» пришлось возвратиться к прежним стратегическим заблуждениям, разделить ударные средства между тремя маршалами, удлинить фронт, вместо того чтобы действовать методом тарана. Оправившись от первоначальной неожиданности, русские, действуя на огромных пространствах, заставили «фюрера» дорого заплатить за эти ошибки.

Тем временем мы прилагали усилия к тому, чтобы оказать Восточному фронту непосредственную помощь, хотя она могла быть лишь весьма скромной. Наши корветы и грузовые суда принимали участие в союзнических конвоях, которые в неимоверно тяжелых условиях проходили по Ледовитому океану, доставляя грузы в Мурманск. Поскольку мне не удавалось добиться от англичан, чтобы две легкие дивизии, сформированные в Леванте, были отправлены на Ливийский фронт, я приказал в феврале генералу Катру подготовить переброску одной из них в направлении Ирана и Кавказа. Это обрадовало русских и озадачило англичан.

Французские летчики из состава эскадрильи «Нормандия-Неман» на фоне истребителя Як-1Б. Июнь 1943 года

Впоследствии, поскольку эти наши войска в конце концов были приданы английским войскам, сражавшимся против Роммеля, я послал в Россию отряд истребительной авиации «Нормандия», который затем был преобразован в полк «Нормандия-Неман». Полк этот доблестно сражался в России и был единственной воинской частью западных союзников, действовавшей на Восточном фронте. С другой стороны, в Лондон под командой капитана Бийотта прибыло полтора десятка офицеров и сотни две французских солдат, которым удалось бежать из немецкого плена и достичь России, где они, впрочем, были подвергнуты заключению. Вскоре после начала германо-советской войны они были освобождены и с конвоем, возвращавшимся из Архангельска через Шпицберген, добрались до нас.

20 января 1942, выступая по радио, я приветствовал восстановление военной мощи России и вновь подтвердил готовность поддерживать в настоящем и в будущем союз двух наших стран. В феврале бывший французский посланник в Бангкоке, присоединившийся к «Свободной Франции», Роже Гарро был направлен в Москву в качестве представителя Национального комитета. В течение трех последующих лет Гарро, действуя весьма разумно, проводил полезную работу на посту нашего представителя в России. Ему удалось вступить в контакт с раз-

личными лицами в той мере, в какой это было возможно в условиях тамошнего режима, и доставлять нам ценную информацию. Сразу же после прибытия в страну у него состоялись встречи с народным комиссаром иностранных дел Молотовым, его заместителями Вышинским и Лозовским. В беседах с Гарро они настойчиво подчеркивал» желание своего правительства установить со сражающейся Францией как можно более тесные отношения.

В мае месяце Молотов прибыл в Лондон. 24 мая я имел с ним беседу, во время которой были внимательно рассмотрены различные вопросы. Его сопровождал Богомолов, меня – Дежан. Впечатление, которое он произвел на меня в тот день, да и впоследствии, убедило меня, что по своему внешнему облику и по своему характеру этот человек как нельзя лучше подходил для выполнения возложенных на него задач.

Министр иностранных дел СССР Молотов, посол СССР в Великобритании Майский, британский премьер-министр Черчилль, министр иностранных дел Австралии Эватт, британский министр иностранных дел Иден и министр иностранных дел Великобритании Кадоган во время визита Молотова в Великобританию для подписания двадцатилетнего пакта о взаимопомощи.

Лондон. 28 мая 1942 года

Неизменно серьезный, скупой на жесты, предупредительно корректный, но вместе с тем сдержанный, советский министр иностранных дел, следя за каждым своим словом, неторопливо говорил то, что он хотел сказать, и внимательно слушал других. Он был чужд какой бы то ни было непосредственности. Его нельзя было взволновать, рассмешить, рассердить: какой бы вопрос ни обсуждался, чувствовалось, что он был с ним прекрасно знаком, что он тщательно отмечал все новые данные по этому вопросу, которые можно было почерпнуть из разговора, что он точно формулировал свое официальное мнение и что он не выйдет за пределы заранее принятых установок. Должно быть, и недавний договор с Риббентропом он заключал с той же уверенностью, какую теперь вносил в переговоры с западными державами. Молотов, который не был и не хотел быть ничем иным, как отлично пригнанным винтиком неумолимой машины, в моем представлении воплощал личность, воспитанную тоталитарной системой. Это была масштабная личность. Но в самой глубине его души, кажется, таилась грусть.

В ходе наших лондонских переговоров с советским министром иностранных дел мы пришли к соглашению относительно помощи, какую его правительство и Национальный комитет

обязывались оказать друг другу в ближайшем будущем. «Свободная Франция» должна была толкать американских и английских союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе. Кроме того, своей дипломатической и общественной деятельностью она должна была способствовать прекращению того состояния изоляции, в котором Россия пребывала в течение длительного времени.

Со своей стороны советское правительство соглашалось поддержать в Вашингтоне и Лондоне наши стремления, направленные на восстановление путем вооруженной борьбы единства Франции и империи. Это касалось управления нашими заморскими владениями, например Мадагаскаром, различных так называемых параллельных, а по сути дела центробежных действий, которые ангlosаксы осуществляли в ущерб нашему делу, а также групп движения Сопротивления во Франции. Причем советское правительство признавало, что никакая иностранная держава, включая и СССР, не имела права призывать какую-либо из этих групп к неповиновению по отношению к генералу де Голлю. Что касается будущего, то Франция и Россия договаривались об объединении своих усилий при установлении мира. «Мое правительство, – заявил мне Молотов, – является союзником правительств Лондона и Вашингтона. В интересах ведения войны мы должны тесно сотрудничать с ними. Но с Францией Россия хочет иметь самостоятельный союз независимо от этого».

Несмотря на усилия, предпринятые «Свободной Францией» в деле установления связей с Вашингтоном и Москвой, центром ее деятельности по-прежнему оставался Лондон. В силу обстоятельств наша деятельность, которая включала военные усилия, связь с метрополией, пропаганду, информацию, финансы, экономику заморских владений, была тесно переплетена с деятельностью англичан. Вследствие этого мы должны были поддерживать с ними более тесные отношения, чем когда-либо. Но по мере того как наше движение росло, их вмешательство в наши дела создавало для нас все большие затруднения. Однако после вступления в войну России и Америки положение самой Англии могло стать затруднительным в союзе с двумя такими гигантами и это могло вынудить ее пойти на сближение с нами, чтобы действовать в Европе, на Востоке, в Африке и на Тихом океане в духе искреннего сотрудничества. Мы с радостью приветствовали бы такую перемену, и у нас подчас создавалось впечатление, что и некоторые английские руководители склонялись к такой политике.

Уинстон Черчилль – премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах. 1941 год

Но в конечном счете все зависело от премьер-министра. А Черчилль в глубине души не мог решиться на то, чтобы «Свободная Франция» стала самостоятельной. К тому же всякий раз, когда деловое обсуждение вопросов приводило нас к резким разногласиям, он придавал им характер столкновений на личной почве. Самого его они огорчали тем больше, чем сильнее была связывавшая нас дружба. Подобные настроения и чувства в сочетании с приемами его политической тактики вызывали у того приступы гнева, чрезвычайно осложнявшие наши отношения.

У этого выдающегося человека были в то время и иные основания приходить в ярость. Несмотря на то что англичане прилагали достойные восхищения усилия в войне, особенно в подводной, они терпели иной раз серьезные неудачи, которые были тем более досадны, что не всегда материальное превосходство было на стороне противника. 10 декабря 1941 у берегов Малайи японские самолеты потопили великолепный линкор «Принс оф Уэлс» и тяжелый крейсер «Рипалс», прежде чем они успели сделать хотя бы один выстрел. 15 февраля 1942 в Сингапуре после непродолжительного сопротивления сложила оружие семи-десятитрехтысячная английская армия. В июне, несмотря на то что англичане сосредоточили на Востоке крупные силы, Роммель прорвал фронт 8-й армии и отбросил ее к самой Александрии, а 33 тысячи английских солдат, оборонявших Тобрук, капитулировали с ничем не оправданной поспешностью. Черчилль лучше чем кто-либо другой понимал последствия этих неудач для хода войны. Но он страдал от этого прежде всего как англичанин и как солдат.

Следует добавить, что в руководящих кругах находились люди, которые, действуя исподтишка, не стеснялись возлагать на него вину за кое-какие из этих неудач. Хотя вся Англия дорожила Уинстоном Черчиллем как зеницей ока, некоторые недоброжелательные высказывания по его адресу можно было читать в газетах, слышать в парламенте, в различных комитетах и клубах. В таких условиях в первые месяцы 1942 у Черчилля не было оснований для того, чтобы проявлять любезность и мягкость по отношению к кому-либо, в частности и ко мне.

Командующий немецким Африканским корпусом генерал Роммель в захваченном Тобруке

И наконец – быть может, это и есть самое главное – премьер-министр взял за правило не предпринимать ничего важного без согласия Рузвельта. Хотя его больше чем кого-нибудь другого из англичан задевала неловкая тактика Вашингтона, хотя он с трудом переносил состояние подчиненности, на которое американская помощь обрекала Британскую империю, хотя его коробило от тона превосходства, который усвоил по отношению к нему президент, Черчилль раз и навсегда решил придерживаться такой линии поведения, которая диктовалась жизненно важной необходимостью союза с Америкой. Поэтому он остерегался занимать по отношению к «Свободной Франции» позицию, которая шла бы вразрез с позицией Белого дома. И поскольку

Рузвельт относился к генералу де Голлю недоверчиво, Черчилль со своей стороны был вынужден проявлять сдержанность.

Среди зрителей, с живейшим интересом следивших за дипломатической пьесой, на протяжении ста различных действий которой «Свободная Франция» постепенно становилась на место Франции, находились европейские правительства, эмигрировавшие в Лондон. В 1941 круг их расширился в связи с прибытием греческого короля и министров, а затем короля и правительства Югославии.

Говоря по правде, со времени вступления в войну России и Соединенных Штатов правительства всех этих государств уже больше не сомневались, что их страны будут освобождены. Но какими будут тогда их страны? Ибо если вступление России в войну гарантировало им разгром Германии, то оно несло им новую угрозу. Главы государств и министры открыто говорили об этом. Греческий король Георг II и глава его правительства Цудерос рассказывали мне об ужасающих страданиях, на которые обрекло греческий народ нацистское вторжение, о Сопротивлении, которое, несмотря ни на что, развертывал народ, но также и о том, как все голодные и все борющиеся сплачиваются вокруг коммунистической партии.

Одновременно я видел, как в окружении Петра II, молодого югославского короля, и даже внутри кабинета отражались события, раздиравшие их страну: возведение Хорватии в ранг отдельного королевства, главой которого был провозглашен герцог Сполетский, захват Италией Далмации и Словении с Любляной, соперничество, а вскоре и борьба Тито с генералом Михайловичем, который, однако, вел в Сербии действия против оккупантов.

Напротив, создавалось впечатление, что чехословацкий президент Бенеш и его министры доверяли будущей политике Советов. При посредничестве Богомолова они поддерживали с Кремлем внешне дружеские отношения. Их представитель в Москве, Фирлингер, казалось, пользовался там доверием и уважением. Советское командование сформировало чехословацкий корпус из чехов, находившихся на службе в вермахте и взятых в плен в России.

Было очевидно, что в стремлении восстановить чехословацкое государство и свое собственное положение в Праге Бенеш, при всем своем отвращении к советскому режиму, рассчитывал прежде всего на Россию.

Беседы с Бенешем превращались в содержательные лекции по истории и политике, которые он мог читать очень долго, не утомляя ни слушателей, ни самого себя. Я как сейчас слышу его повествования о судьбе государства, у кормила которого он стоял двадцать лет. «Это государство, – говорил он, – не может существовать без непосредственной поддержки Москвы, ибо оно должно включить Судетскую область, населенную немцами, Словакию, с потерей которой Венгрия никак не может примириться, и Тешин, на который зарятся поляки. Франция слишком ненадежна, чтобы мы могли полагаться на нее». «В будущем, – говорил в заключение президент, – мы смогли бы избежать риска исключительного союза с Кремлем, но лишь при условии, что Франция вновь обретет свое положение и роль в Европе. А до тех пор что же мне остается делать?» Так рассуждал Бенеш, но я чувствовал, что в глубине его души таится тревога.

Эдвард Бенеш – президент Чехословакии в изгнании с 1939 года по 28 октября 1945 года

Что касается поляков, они сомнений не испытывали. В их глазах Россия была неприятелем, даже если приходилось вместе с ней сражаться против общего врага. По мнению президента республики Рацкевича, генерала Сикорского, стоявшего во главе правительства и армии, министров Залесского, Рачинского, генерала Кукеля, за разгромом Германии неизбежно должно последовать вступление в Польшу советских войск. Что касается способов обуздания претензий Москвы после победы над Германией, здесь среди поляков шла борьба двух тенденций. То у них одерживала верх боязнь наихудшего и отчаяние порождало в них опьяняющие иллюзии, подобно тому как в музыке Шопена страдание порождает мечту. То они лелеяли надежду на достижение решения, при котором Польша расширится на западе, уступив России часть Галиции и литовских земель и добившись от нее обязательства не устанавливать своего господства в Варшаве путем создания там коммунистического правительства. Но как только речь заходила о заключении соглашения, они впадали в крайнее возбуждение и начинали требовать невозможного, чем вызывали нерешительность у союзников и раздражение у русских.

Однако несмотря на все сомнения, генерал Сикорский решил добиться соглашения с русскими. Уже в июле 1941 он заключил с Советами соглашение, согласно которому объявлялся недействительным раздел Польши, произведенный в 1939 Россией и Германией. В декабре он отправился в Москву, чтобы договориться об освобождении польских военнопленных и об их отправке на Кавказ, откуда они под руководством генерала Андерса могли бы быть переброшены к Средиземному морю. Сикорский имел длительную беседу со Сталиным. По возвращении, рассказывая о своих переговорах, он изобразил мне кремлевского властелина как человека, объятая тревогой, но сохраняющего при этом всю свою проницательность, суровость и хитрость. «Сталин, – сказал мне Сикорский, – в принципе согласился с заключением договора. Но то, что он включит в этот договор сам, и то, что он потребует от нас, будет зависеть от соотношения наличных сил, то есть от того, встретим ли мы поддержку на Западе или нет».

Владислав Эугениуш Сикорский – 1-й Председатель Правительства Польши в изгнании
с 30 сентября 1939 года по 4 июля 1943 года

Перелом в войне. Балканы, Польша и Советы

С наступлением третьей военной весны, судьба вынесла свой приговор. Ставки сделаны. Чаши весов заколебались. В США огромные ресурсы превратились в средства ведения войны. Россия воспрянула – об этом скажет миру Сталинград. Англии удалось восстановить свои позиции в Египте. Сражающаяся Франция наращивала силы и во Франции и за ее пределами. Сопротивление угнетенных народов, особенно поляков, югославов, греков, стало ощутимым фактором войны. В условиях, когда силы Германии на пределе, Италия деморализована, Венгрия, Румыния, Болгария и Турция прочно держатся позиции нейтралитета, на Тихом океане замедлено военное продвижение Японии и укреплена защита Китая, – в этих условиях все побуждает союзников перейти от пассивной обороны к удару. На Западе готовится военная операция широкого размаха.

Из Москвы мы также получили ободряющие знаки. Советское правительство, зная, что собираются предпринять ангlosаксы в Северной Африке, видя, какую позицию занимают в отношении нас Соединенные Штаты, учитывая, на основе донесений Литвинова из Вашингтона, намерение Рузвельта стать арбитром между различными французскими группировками, испытывало серьезное беспокойство перед лицом этой американской тенденции к гегемонии.

Богомоллов дал мне понять от имени своего правительства, что Россия, борющаяся не на жизнь, а на смерть с захватчиком, не может в настоящий момент вмешаться непосредственным образом, но что это не мешает России осуждать эту политику ангlosаксов и что, в случае крайности, она сумеет этому противостоять. 28 сентября Москва в широко распространенном коммюнике заявляла, что Советский Союз признает Сражающуюся Францию как «совокупность французских граждан и территорий... которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствуют, где бы они ни находились, освобождению Франции», и признает Французский национальный комитет «руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий». По мнению России, между Виши и Сражающейся Францией нет места для существования какой-либо третьей силы или какой-либо третьей власти.

Если Америка – новая звезда на сцене всемирной истории – еще могла верить, что она в состоянии управлять французской нацией, то европейские государства, имевшие многовековой опыт, отнюдь не питали подобных иллюзий. К тому же свой выбор Франция уже сделала сама. Ежедневно оттуда поступали вести, свидетельствовавшие о том, что движение Сопротивления растет непрерывно, а это означало, что все в нем участвовавшие морально примыкали к генералу де Голлю и что любое правительство, созданное без него, было бы отвергнуто массой в первый же день освобождения. Этой эволюции, впрочем, способствовали своим поведением как оккупанты, так и лица, сотрудничавшие с ними во Франции. 22 июня 1943 Лаваль ко всеобщему негодованию заявил: «Я желаю победы Германии». В июле некий «легион», сформированный из молодых французов, был отправлен в Россию по приказу немцев и в немецких мундирах.

Тем не менее, Соединенные Штаты, опасаясь, что в Европе начнется путаница, собирались урегулировать в дальнейшем вопрос о мире прямым соглашением с Советской Россией и отнюдь не намеревались допустить Францию в тесный круг руководящих держав. Уже присутствие в этом кругу Англии зачастую казалось им неуместным, несмотря на то, что Лондон всячески старался ни в чем не перечить Америке. А как мешала бы там Франция со своими принципами и своими руинами! Да, кроме того, она оказалась бы глашатаем средних и малых наций. Как же тогда удастся добиться от Советов сотрудничества, о котором мечтал Белый дом и ради которого неизбежно пришлось бы пожертвовать независимостью привисленских, придунайских и балканских государств?

В декабре 1943 в Тегеране прошла конференция, на которую приехали Рузвельт, Сталин и Черчилль. Они не скупились на успокоительные декларации и утверждали, что встретились для обсуждения стратегических вопросов. Однако просочившиеся сведения были отнюдь не утешительными для эмигрантских правительств. Вопреки официальным секретам они вывели самое существенное из того, что происходило в Тегеране. Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям.

Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы – в согласии с Советами – отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и, в особенности, вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии. Нас, французов, держали в стороне от всех этих дел, и до такой степени, что, когда Черчилль и Рузвельт направлялись в Тегеран, один – в самолете над французскими владениями Северной Африки, а другой – вдоль ее берегов, оба они и не подумали установить с нами связь.

И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт У. Черчилль в Тегеране

И вот перспективы, так пугавшие монархов и министров придунайских, привисленских и балканских стран, теперь определились яснее. Так, в Греции значительная часть элементов Сопротивления, подпавших под влияние коммунистов, образовала единую организацию ЭАМ, которая поставила целью вести борьбу против захватчиков и вместе с тем проложить путь революции. ЭЛАС – военная организация этого движения – объединяла многие партизанские отряды, действовавшие в горах Греции, а также глубоко проникала в армейские и военно-морские соединения, стоявшие на Среднем Востоке. Для того чтобы легче было держать связь с солдатами и матросами и сообщаться с внутренними областями страны, премьер-министр Цудерос и большинство министров избрали своей резиденцией Каир. Вскоре туда направился и король Георг II; но по его прибытии разразился бурный кризис. В апреле 1944 Цудеросу пришлось выйти в отставку. Заместивший его Венизелос тоже вынужден был оставить свой пост. Папандреу с большим трудом удалось сформировать правительство. И как раз в это время

начались серьезные мятежи в войсковых частях и на кораблях. Для их подавления понадобилось ни больше ни меньше как кровавое вмешательство английских войск. И хотя представители всех политических течений Греции, собравшиеся вслед за этим в Бейруте, провозгласили лозунг национального единства, вскоре опять начались распри. Было очевидно, что в Греции уход немцев окажется сигналом к гражданской войне.

По-видимому, Соединенные Штаты старались как-то выпутаться из этой неприятной истории. Но Советы оказывали воздействие на греков; англичане же, стремившиеся установить свою гегемонию в восточной части Средиземного моря, не скрывали, что вопросы, касающиеся Греции, относятся к их сфере. Поэтому французское правительство никогда в эти дела не вмешивалось. Однако в интересах Европы было бы лучше, если бы Франция и Англия действовали тут совместно, соединив свои силы и влияние, как это часто бывало в прошлом. И Аргиропуло, представитель Греции при Комитете, вполне был в этом убежден. Этот патриот и политик, которому не давала покоя угроза, нависшая над его страной, был убежден, что, отбросив от себя Францию, Европа рискует пойти по неверному пути, и потому он горько сожалел, что под воздействием извне спустилась непроницаемая завеса между его правительством и правительством Французской республики.

Точно так же действовали наши союзники и в отношении Югославии. В этом сербо-хорвато-словенском королевстве еще и до войны царили жестокие раздоры между различными его народами, а теперь в нем все было перевернуто, все кипело. Итальянцы образовали там хорватское государство, прирезали к нему Далмацию и словенскую провинцию Любляны. Полковник Михайлович вел в сербских горах смелую партизанскую войну; позднее повел войну в интересах коммунистов Иосип Броз Тито. Оккупанты мстили за их выступления неслыханными зверствами, массовым уничтожением людей, нелепыми разрушениями. В Лондоне совсем еще юный король Петр II и его неустойчивое правительство не только были бессильны справиться с тягчайшими трудностями внутри страны, но и оказались под властным давлением Англии.

В самом деле, англичане смотрели на Югославию как на главную арену их политики на Средиземном море. Кроме того, Уинстон Черчилль считал эту политику своим кровным делом. Лелея планы широких операций на Балканах, он намеревался обратить Югославию в их плацдарм. С самого же начала действий Михайловича Лондон помогал ему оружием и советами, направил к нему английскую миссию. Позднее премьер-министр делегировал к Тито своего сына Рэндольфа. В конце концов Тито было отдано предпочтение, и правительство Англии послало ему снаряжение и обмундирование для его войск. Михайловича же лишили помощи, всячески поносили его в выступлениях по радио из Лондона, а представитель Форин Офис с трибуны лондонской палаты общин даже обвинял его в измене. Мало того, в июне 1944 Черчилль потребовал от несчастного Петра II распустить кабинет Пурича, в который Михайлович входил в качестве военного министра, и доверить власть Шубашичу, предварительно получившему свои полномочия от Тито. Москва, разумеется, одобряла такой образ действий, а в Вашингтоне югославский посол Фтоич не мог добиться, чтобы Соединенные Штаты оказали поддержку его монарху.

Если продвижение Советов и деятельность их агентов вызвали у некоторых эмигрантских правительств мучительный страх, то президент Бенеш и его министры подчеркивали, что они нисколько не опасаются за Чехословакию. Вряд ли в глубине души чехи были так уж спокойны. Но они полагали, что бороться против неизбежного бессмысленно и лучше постараться извлечь из него пользу для себя. Кстати сказать, их представитель Черни сам изложил нам такую точку зрения. В декабре 1943 Бенеш отправился в Москву и заключил со Сталиным договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. На обратном пути в Лондон он 2 января

остановился в Алжире. Мы приняли главу чехословацкого государства самым почтительным образом, памятуя, что среди жестоких превратностей в судьбе Франции он всегда оставался ее другом.

Вот записи бесед с Бенешом 2 и 3 января 1944, записанные моей канцелярией

«1. Впечатления о Советском Союзе.

Бенеш удовлетворен своей поездкой в Москву. Он был там хорошо принят. Благодаря знанию русского языка и знакомству с политическими деятелями он имел возможность вести многочисленные и откровенные беседы с ответственными руководителями. Он неоднократно видел Сталина, беседовал с ним и во время официальных заседаний, и при личных встречах.

Русские руководители прежде всего производят впечатление людей, осознавших свою победу и исполненных решимости довести дело до конца. СССР в значительно большей степени, чем западные державы, уверен в том, что именно он сокрушил Германию. Он осознает свою огромную экономическую и военную мощь. Создается впечатление, что победившая революция гораздо больше озабочена закреплением своих завоеваний, нежели тем, чтобы продолжать революционное развитие. Наблюдается большое националистическое течение (в частности, на Украине и в Белоруссии).

Население живет в трудных условиях; роскошь изгнана; солдаты питаются хорошо; самое необходимое есть повсюду; транспорт получил огромное развитие; что касается армии, то поражает ее обеспеченность большим количеством вооружения и прекрасными кадрами.

Бенеш обращает внимание на сближение между Советами и православной церковью. Отделение церкви от государства, конечно, остается в силе, но вместе с тем есть стремление использовать в национальных интересах большую притягательную силу и влияние церкви. Бенеш убежден, что Советы будут стремиться договориться с Ватиканом в отношении католического населения, которое перейдет под их власть. Он полагает, что при наличии желания со стороны Ватикана легко может быть достигнут компромисс.

2. Русско-чехословацкий договор.

Президент напомнил об этапах выработки русско-чехословацкого договора. Переговоры начались с Богомоловым в марте 1943 г. Именно Бенеш обратил внимание Советского правительства на целесообразность официального выступления против «*Dran nach Osten*». После того как в принципе это предложение было принято, он сам по просьбе русских сформулировал соответствующую статью договора. Что касается статьи о Польше, то включить ее предложил Бенеш, но он хотел, чтобы сформулировали ее русские. Чтобы предотвратить возражения со стороны Идена против заключения договора, Бенеш просил Молотова, чтобы он во время Московской конференции ознакомил государственного секретаря Соединенных Штатов Корделла Хэлла и министра иностранных дел Великобритании Идена с проектом договора. Корделл Хэлл сразу же выразил свое согласие. Иден не мог возражать.

Бенеш подчеркивает, что независимость и целостность Чехословакии полностью гарантированы. С Москвой достигнута всесторонняя договоренность по вопросу о границах (приняты домюнхенские границы, урегулирован также словацкий вопрос, вопрос о Закарпатской Руси и о Судетах).

3. Польский вопрос.

Россия считает, что вопрос о польских границах урегулирован. Она намерена вернуть себе Белоруссию и Восточную Галицию и иметь границу с Закарпатской Русью. Это не значит, что по некоторым пунктам русские не готовы пойти на уступки и отказаться от того направления линии Керзона, которое определяется германо-русским договором. Они не собираются ни уничтожить Польшу, ни включить ее в состав Советского Союза. Но для них приемлема лишь такая Польша, которая не будет враждебна по отношению к ним. Они получают удовлетворение, поскольку англичане и американцы в общем предоставили им полную возможность обсудить вопрос с поляками с глазу на глаз.

Это не значит, что Москва категорически высказывается против всех членов польского правительства в Лондоне. Напротив, Бенеш советовал русским договориться с премьер-министром Миколайчиком, и Бенешу недвусмысленно, хотя и конфиденциально, было заявлено, что не исключена возможность формирования правительства, которое включало бы в свой состав наряду с деятелями, находящимися в самой Польше, также и некоторых членов эмигрантского правительства. Во всяком случае, русские согласны с тем, чтобы Польша была широко компенсирована на Западе. Восточная Пруссия не будет немецкой – впрочем, в этом заинтересована Россия, – а Силезия станет польской.

Станислав Миколайчик – 2-й Председатель Правительства Польши в изгнании 14 июля 1943 года – 24 ноября 1944 года

4. Югославия и Балканы.

Что касается Югославии, Бенеш с удовлетворением отмечает, что русские согласны, чтобы Югославия продолжала существовать. Если сербы и хорваты будут враждовать, то они будут делать это внутри единого государства. Это вовсе не предопределяет окончательную позицию Советского правительства в вопросе о внутренней организации югославского государства.

На вопрос, отстаивает ли Москва союз всех южных славян, в том числе и болгар, Бенеш отвечает, что выяснить это ему не удалось. Вообще говоря, он не верит в подобное намерение русских, по крайней мере в настоящий момент.

То же самое и в отношении Турции. Хотя президент и отмечает, что русские раздражены происками турок, они отнюдь не намерены предъявлять каких-либо претензий в отношении Проливов.

5. Венгеро-румынские отношения.

Судьба Венгрии, видимо, решена. По мнению Бенеша, сама Венгрия не в состоянии развиваться в должном направлении. Ей недостает способных политиков, и она неизбежно сталкивается с величайшими трудностями, ибо в период между двумя войнами в Венгрии не была проведена аграрная реформа. Какими бы ни были превратности ее внутренней политики, Венгрия не сохранит за собой ни тех территорий, которые отошли к ней от Чехословакии, ни тех, которые к ней отошли от Югославии.

Относительно Румынии Бенеш может совершенно конфиденциально сообщить, что Манну просил его быть посредником между ним и Сталиным и что он получил от Сталина заверения, что в случае венгеро-румынского спора из-за Трансильвании Россия примет сторону Румынии.

6. Германский вопрос.

Остановившись на перечисленных вопросах, президент Чехословакии подчеркивает, что не следует все же думать, будто Советы намерены урегулировать европейские дела по своему усмотрению, а англосаксонским союзникам останется лишь согласиться с их решениями. В частности, Бенеш уточняет следующее: хотя в Москве преисполнены решимости разбить германскую военную машину и лишить Германию возможности предпринять новую войну в течение жизни нескольких поколений, хотя русские решили дойти до Берлина, они ни в коей мере не намерены предвосхищать методов, посредством которых Германия будет обезврежена. Напротив, они заверили Черчилля и президента Рузвельта в том, что в Германии ими не будет самостоятельно проявлено никакой инициативы. Политика в Германии явится результатом совместно принятых решений. Относительно возможного территориального расчленения Германии у Москвы также нет какого-либо заранее обдуманного намерения.

7. Позиция в отношении Комитета освобождения.

Бенеш не скрывает, что сейчас в Москве имеется тенденция занять по отношению к Комитету освобождения сдержанную позицию. Такая позиция, возможно, вызвана сдержанным отношением англосаксонских союзников, но дело, конечно, не только в этом. Имеются некоторые сомнения в отношении условий дальнейшего развития Франции. Пойдет ли Франция по пути своего обновления до конца или же там опять разгорится борьба между двумя равными по своим силам лагерями, которые будут нейтрализовать друг друга и парализовать политику страны? Бенеш отметил эту сдержанность Москвы. Он указывает, что такая же неуверенность влияет и на политику, которую Чехословакии приходится наметить на будущее и которая побудила его лично совершить поездку в Москву. Для него не было иного выхода, поскольку нет твердой уверенности в том, что возрождение Франции окажется устойчивым и длительным».

Итак, Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную. Затем Бенеш разъяснил мне свою политику. «Взгляните на карту, – сказал он. – Русские подходят к Карпатам. Но на Западе союзнические войска еще не готовы к высадке во Франции. Значит, именно Красная Армия освободит мою страну от немцев. И для того, чтобы я мог сформировать нашу администрацию, я должен войти в соглашение со Сталиным. Я и сделал это, да еще на таких условиях, которые не затрагивают независимости Чехословакии. Ведь на основании нашей с ним договоренности русское командование нисколько не будет вмешиваться в наши политические дела».

Перейдя к общему положению страны, президент стал мне доказывать, как он делал это уже не раз, что Чехословакия может возродиться только путем союза с Москвой. Он водил пальцем по карте и восклицал: «Вот Судетская область, которую нам надо отобрать у немцев. Вот Тешин, на который зарятся поляки. Вот Словакия, которую венгры мечтают опять забрать себе, – там монсеньер Тисо уже создал свое сепаратное правительство. А ведь завтра Восточная Германия, Польша и Венгрия будут в руках Советской России. Стоит ей поддержать их претензии – и неизбежно последует расчленение Чехословакии. Как видите, союз с русскими для нас совершенно необходим».

Я попробовал было напомнить о возможности обратиться к Западу, но Бенеш отнесся к этому очень скептически. «Рузвельт, – сказал он, – хочет договориться со Сталиным и после победы увезти поскорее свои войска домой. Черчилль очень мало беспокоится о нас. По его мнению, линия обороны Англии – на Рейне и в Альпах. Как только он этого добьется, его уже ничто не будет волновать, кроме Средиземного моря. В отношении нас он готов равняться на позицию Рузвельта, получив за это некоторые преимущества на Востоке. Как мне известно, в Тегеране, с общего согласия, ни слова не было сказано о Чехословакии. Правда, существуете вы, генерал де Голль, строитель твердой и сильной Франции, необходимой для европейского равновесия. Если б вы не появились после поражения, больше не было бы надежды на свободу Европы. Поэтому никто так горячо не желает вам полного успеха, как я.

Но приходится убеждаться в том, что Вашингтон и Лондон не очень-то ему способствуют. Что же будет завтра? Да следует еще вспомнить о том, что французский парламент дал отставку Клемансо, лишь только окончилась война. Когда весть об этом пришла в Прагу, я сидел за работой с великим Масариком. И обоим нам пришла одна и та же мысль: «Это самоотречение Франции!»

Мнение Бенеша о позиции Вашингтона и Лондона в отношении советских стремлений уже подтвердилось в польском вопросе. Чем ближе Красная Армия подходила к Варшаве, тем яснее выступало намерение Москвы оказывать свое влияние на Польшу и изменить ее границы. Уже угадывалось, что Сталин хотел с одной стороны присоединить территории Литвы, Белоруссии и Восточной Галиции, а с другой – расселить поляков до Одера и Нейсе за счет немцев. Но не менее ясно было, что хозяин Кремля намеревается учредить на Висле режим по своему усмотрению и что англосаксы не собираются наложить тут свое вето.

Поляков снова охватили неприязнь и страх, которые внушали им русские. Весною 1943 они официально – с некоторой видимостью оснований обвинили их в том, что три года назад они уничтожили в Катынском лесу десять тысяч военнопленных польских офицеров. Сталин в негодовании порвал дипломатические отношения с Польшей. В это время, то есть в июле 1943, генерал Сикорский, возвращаясь из Египта, где он инспектировал войска Андерса, погиб в результате воздушной катастрофы, происшедшей в Гибралтаре. Этот выдающийся человек

пользовался достаточно большим престижем, чтобы умирять страсти своих соотечественников, и достаточно большой международной известностью, с которой приходилось считаться. Он был незаменим. Сразу же после его смерти кризис в отношениях между Россией и Польшей принял характер острого конфликта.

Однако новое польское правительство устами своего главы Миколайчика обещало, что после освобождения власть в Варшаве будет учреждена в таком составе, который гарантирует Москве добрососедские отношения. Что касается границ, то он не отвергал заранее никаких проектов, а только заявлял, что этот вопрос может быть разрешен лишь при заключении мирного договора. Миколайчик дал приказ вооруженным силам Сопротивления сотрудничать с Советской Армией. Наконец, он обратился к Соединенным Штатам и Англии, желая покончить с разногласиями и прийти к решению всех вопросов, повисших в воздухе.

Но эти миролюбивые настроения не нашли отклика в Кремле. Наоборот, недовольство русских все усиливалось по мере их продвижения. В январе, по случаю вступления своих войск на польскую территорию, Советы опубликовали декларацию, согласно которой так называемая «линия Керзона» должна была стать восточной границей Польши, а состав лондонского правительства полякам полагалось полностью изменить. В то же время заботами русских был сформирован польский армейский корпус, глава которого – Берлинг – не признавал власти законного правительства; а в Галицию вслед за советскими войсками явился образованный в Москве Польский комитет национального освобождения под председательством Осубка-Моравского.

Было очевидно, что поддержка англосаксами польской независимости была весьма шаткой. Рузвельт, которому в этом году предстояло вновь выступить в качестве кандидата на президентских выборах, держался в польском вопросе осторожно, сообразуясь с чувствами поляков, имевшихся среди его избирателей. Но можно было предугадать, что, как только выборы останутся позади, он не захочет связывать руки Сталину. Англичане оказались менее послушными, но было весьма вероятно, что поскольку они равняются на американцев, то в конце концов, по сути дела, уступят, соблюдая, однако, некоторые внешние приличия.

В самом деле, Черчилль и Иден, произнося всякие хорошие слова в защиту независимости Польши, торопили Миколайчика с поездкой в Москву. Посещение состоялось 1 августа – в то самое время, как Советская Армия подошла к Варшаве, а в городе подпольная польская армия под командованием генерала Комаровского, именуемого «Буром», начала действия против немцев. После героических боев поляки были раздавлены и обвиняли русских в том, что те не оказали им никакой помощи и даже не разрешили английским самолетам воспользоваться советскими базами, чтобы производить оттуда боевые вылеты для поддержки защитников Польши. За несколько дней до этого польские министры, прибывшие в Москву, услышали от Сталина и Молотова совсем не обнадеживающие ответы на свои просьбы и были уведомлены в том, что между Советским Союзом и Польским комитетом национального освобождения заключено соглашение, которое предоставляло Комитету право управлять освобожденными территориями.

Наше правительство не в состоянии было помешать этому порабощению Польши. Раз мы не действовали совместно с нашими великими союзниками в области дипломатии и не участвовали на равных правах в выработке общих для всех нас стратегических планов, как же могли бы мы добиться от западных держав, чтобы они заняли определенную политическую позицию и приняли определенные решения, которые наверняка спасли бы независимость Польши и в то же время обеспечили бы России ту границу, какой она требовала.

Лично я считал вполне приемлемой идею Сталина компенсировать Польше ту ампутацию, которой ее территория подвергается на востоке, приобретением ею земель Пруссии и

Силезии. Я хотел только, чтобы неизбежная при этом переброска населения производилась с полной гуманностью. Но я считал необходимым воспрепятствовать намерению Сталина установить в Варшаве диктатуру его почитателей. Я думал, что если бы Америка, Англия и Франция перед лицом всего мира пришли совместно к определенным выводам, и если бы они стали действовать согласованно в этом направлении, влияя на советское и польское правительства, и если бы они в дальнейшем предоставили судам Запада доступ в порты Балтийского моря, а русским судам – в порты Северного моря, то в конце концов им удалось бы возвратить свободу благородной и мужественной Польше. Но перед требованиями Советской России Америка предпочла молчать. Англия искала формулу. Франция в этом вопросе не имела права голоса.

Однако же был случай, когда мы оказали помощь польскому правительству. Речь идет о значительном золотом запасе, который Государственный банк Польши в сентябре 1939 доверил Французскому банку, а тот в июне 1940 переправил его в Бамако. В марте 1944 Комитет освобождения по настоятельной просьбе правительства Миколайчика решил возвратить полякам их золото. Богомоллов не преминул обратиться к нам с настойчивыми заявлениями о необходимости отсрочить передачу золота, а в конце концов попросил у меня приема и тогда сказал мне: «Советское правительство заявляет решительный протест против передачи польского золотого запаса эмигрантскому правительству Польши в Лондоне. Ведь завтра оно уже не будет правительством Польши».

Я ответил, что пока оно еще является правительством, что оно признано всеми нашими союзниками, включая и Россию, что по его приказу польские войска в настоящее время сражаются в Италии рядом с нашими войсками и что, наконец, я не понимаю, по какому праву Советский Союз вмешивается в дела, касающиеся только Польши и Франции. Богомоллов ушел, не скрывая своего неудовольствия.

28 апреля 1944 у меня состоялась беседа с Богомолловым, записанная моей канцелярией. Привожу выдержки из нее.

«...Богомоллов отмечает, что недавно в алжирской газете «Эко д'Альже» была напечатана карта военных действий, на которой Польша указана в границах 1939 г., из чего можно заключить, что таковы соответственно и границы Советского государства. Между тем вопрос о советских границах разрешен конституцией и не может быть решен иначе.

«Мое правительство поручило мне, – говорит Богомоллов, – заявить протест против опубликования этой карты, которая находится в противоречии с советской конституцией».

Генерал де Голль прежде всего указывает, что правительство не считает себя ответственным за карты, публикуемые в «Эко д'Альже». Но поскольку Богомоллов ставит вопрос о границах именно таким образом, ему должно быть известно, что советско-польская граница 1939 является единственной, о которой в настоящее время мы располагаем официальными сведениями. Правительство Советского Союза никогда не информировало нас о каком-либо международном соглашении относительно изменения этой границы. Мы даже точно не знаем, как решился для него вопрос и определило ли оно окончательно свои намерения на этот счет.

Если бы вместо границы 1939 мы опубликовали какую-нибудь другую границу, польский посол на другой же день явился бы с протестом. А ведь мы союзники Польши, точно так же как и союзники Советского Союза.

Я не раз говорил вам, заявляет генерал де Голль, что мы хотели бы, чтобы Советский Союз и Польша пришли к соглашению. У нас нет ни желания, ни возможности вмешиваться в это дело, но мы очень хотим, чтобы оно было урегулировано.

Богомоллов говорит, что СССР считает вопрос урегулированным. СССР не требует никаких гарантий, ибо он ни в ком не нуждается, чтобы гарантировать свои границы: он располагает силой советских армий, которые победоносно освобождают его территорию.

Генерал де Голль подчеркивает, что он рад тому, что войска Красной Армии успешно освобождают территорию Советского Союза.

Богомолов выражает сожаление по поводу того, что мы недостаточно признательны Советскому правительству и недооцениваем его доброе отношение к нам. Между тем формула признания Комитета освобождения Советским Союзом значительно шире той, которая была принята другими державами.

Генерал де Голль признает достоинство формулы признания Комитета освобождения правительством Советского Союза. Однако он обращает внимание советского посла на то, что подобно тому, как гарантия советских границ, как сказал Богомолов, определяется мощью советских армий, точно так же признание французского правительства зависит прежде всего от французского народа. Дипломатические формулы играют здесь второстепенную роль.

К тому же формула признания – это одна сторона вопроса. Гораздо больше нас интересует, как признание выглядит на практике.

Генерал де Голль напоминает, что СССР признал Французский комитет национального освобождения как «представителя государственных интересов Французской республики». В настоящее время ведутся переговоры с участием СССР по вопросу о мирном урегулировании в Европе. Мы знаем, что в Лондоне работает Европейская комиссия.

Мы слышали о том, что в Тегеране состоялась конференция. Однако Советское правительство, подобно вашингтонскому и лондонскому правительствам, не информировало нас ни о цели, ни о ходе переговоров. Неужели же «государственные интересы Французской республики» не связаны с мирным урегулированием в Европе и в первую очередь с будущей судьбой Германии?

Богомолов ссылается на то, что существует сомнение относительно значения работ Европейской комиссии, после чего он прощается с генералом де Голлем».

Позиция Америки по вопросам послевоенного устройства Европы окончательно прояснилась после моей поездки в Вашингтон. Я прибыл туда 6 июля 1944, во второй половине дня. На пороге Белого дома меня встретил, приветливо улыбаясь, Франклин Рузвельт. Рядом с ним был государственный секретарь Корделл Хэлл. После чая мы с президентом долго беседовали с глазу на глаз. Такие же беседы мы имели с ним и в последующие два дня. Меня поместили в Блейр-хауз, старинное любопытное здание, которое американское правительство обычно отводит для своих гостей. Завтрак в Белом доме, происходивший в торжественной, но сердечной обстановке, обед у государственного секретаря, обед у военного министра, прием, который я устроил в нашем посольстве – во временной его резиденции, так как здание, в котором помещалось и будет в дальнейшем помещаться французское посольство, для нас еще закрыто, – все эти празднества служили поводом для встреч и бесед с политическими и военными руководителями, соратниками президента.

Корделл Халл – Государственный секретарь США с 4 марта 1933 года по 30 ноября 1944 года

Президент Рузвельт в наших беседах старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которые он надеется достигнуть благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции. Изоляционизм Соединенных Штатов Америки президент считает большой ошибкой, отошедшей теперь в прошлое. Но он бросается из одной крайности в другую и хотел бы установить систему постоянного вмешательства посредством международных законов. Он полагает, что четырехчленная директория Америка, Советская Россия, Китай и Англия – урегулирует проблемы всего мира. Парламент Объединенных Наций придаст власти «большой четверки» демократический вид. Но для того, чтобы не отдавать в распоряжение трех из этих держав почти весь шар земной, эта организация, по его мнению, должна будет потребовать, чтобы в различных странах мира были устроены базы американских вооруженных сил, причем некоторые из них необходимо расположить и на французской территории.

Рузвельт рассчитывал вовлечь таким образом СССР в объединение, которое будет сдерживать ее честолюбивые стремления и в рамках которого Америка может собрать свою клиентуру. Он знает, что из четырех великих держав Китаю Чан Кайши необходимо его содействие, а Англия из опасения лишиться доминионов должна согласиться с его политикой. Что же касается сонма средних и малых государств, Америка будет иметь возможность воздействовать на них путем оказания им материальной помощи. Наконец, право народов располагать своей судьбой, поддержка, оказанная Вашингтоном, наличие американских баз породят в Африке, в Азии, в Меланезии новые суверенные государства, которые увеличат собою число стран, обязанных Соединенным Штатам. В свете подробных перспектив даже важные вопросы, касающиеся Европы, – а именно участь Германии, судьба привисленских, придунайских и балканских стран, будущее Италии – кажутся ему второстепенными. Ради счастливого их разрешения Рузвельт не согласится пожертвовать гигантскими замыслами, которые он мечтает осуществить.

Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: «Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу». Президент, впрочем, вовсе не излагает свои мысли, как профессор, развивающий определенные положения, или как политик, разжигающий страсти и корыстные интересы. Он рисует легкими, тонкими штрихами, рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому соблазнителю. Однако я отвечаю ему, что, по моему разумению, такой план может угрожать Западу большими опасностями.

Рузвельт считает Западную Европу величиной второстепенной, а разве этим он не подрывает то дело, которому хочет служить, дело цивилизации? Неужели для того, чтобы привлечь на свою сторону Советы, необходимо будет в ущерб польским, прибалтийским, дунайским, балканским странам дать Советской России преимущества, угрожающие общему равновесию? Кто поручится, что Китай, пройдя через тяжелые испытания, в которых выковывается его национализм, останется таким, каков он есть сейчас? Я первый говорю и думаю, что державы, владеющие колониями, должны отказаться от прямого управления ими и устанавливать там режим ассоциации, но разве не является истиной, что освободительное движение нельзя направлять против этих держав, иначе оно вызовет в неорганизованных массах ненависть к иностранцам и анархию, опасную для всего мира.

«Нужно возродить Запад, – сказал я президенту Рузвельту. – Если он оправится, весь остальной мир волей-неволей возьмет его за образец...»

Беседы наши кончились. Я прощаюсь и ухожу. Президент, которого везут в кресле, немного провожает меня. На галерее открыта дверь. «Вон там мой бассейн. Я в нем плаваю», – говорил Рузвельт, словно бросая вызов своему недугу. Перед отъездом из Вашингтона я попросил передать ему маленькую подводную лодку, чудо механики, которое создали в арсенале Бизерты. Он тепло поблагодарил меня в коротком письме и прислал мне свою фотографию: «Генералу де Голлю, моему другу».

Что будет с Европой? Переговоры со Сталиным в Москве

После высадки союзников в Нормандии освобождение Франции шло очень быстро. Через шесть недель после прорыва фронта в районе Авранша союзники вместе с французами подошли к Анверу, проникли в Лотарингию и дошли до Вогезов. К концу сентября, за исключением Эльзаса и подступов к нему, а также альпийских перевалов и опорных пунктов на Атлантическом побережье, вся территория Франции была освобождена от захватчиков. Немецкая армия, сломленная механизированными частями союзников, подвергаясь регулярным ударам французского Сопротивления, была изгнана с нашей земли за более короткий срок, чем в свое время смогла ее захватить. Отступление вермахта остановилось только на границе рейха, там, где вооруженное восстание французского народа уже не угрожало его тылам. Как будто отлив, внезапно отхлынув, открыл от края до края измученное тело Франции.

Войска союзников после высадки в Нормандии. Прибытие подкреплений на плацдарм

Что будет с Европой после поражения Германии, и какая судьба ожидает эту страну? Это основная проблема, которая в ходе событий встанет со дня на день и которой, поверьте, я занимался прежде всего.

На протяжении всего лишь одной человеческой жизни Франция испытала три войны, связанных своим соседом за Рейном. Первая окончилась отторжением части территории страны и человеческим унижением. Победив во второй, мы, как известно, вернули Эльзас и Лотарингию, но ценой потерь и разрушений, обескровивших и разоривших нас. Ко всему прочему, недоброжелательное отношение англосаксонских держав, использовавших непрочное положение нашего правительства, вынудило нас отказаться от гарантий и репараций, обещанных нам в обмен за контроль над рейхом и границей по Рейну.

В третью войну при первом же столкновении наша армия перестала существовать, официальная государственная система капитулировала, страна познала оккупацию, организованное разграбление богатств, принудительный труд, аресты двух миллионов человек. Несомненно, каким-то чудом сохранились независимость и суверенность части колониальной империи. Понемногу восстановилась и армия, а в метрополии разворачивалось движение Сопротивления. В деле освобождения Франции большую роль сыграло наличие у нее значительных вооруженных сил, прочное положение правительства и единодушие ее граждан. Отныне страна могла уверенно идти к победе. Но также ясно было, что придет она к ней

настолько ослабленной, что ее положение в мире, единство ее заморских территорий и даже сама основа ее существования еще долго будут находиться под угрозой. Так будет, если только страна не использует эту, вероятно, последнюю возможность и не возродит свою мощь. Я стремился именно к этому.

Чтобы восстановление Франции стало реальностью, необходимо было вырвать клыки у германской агрессии. В зарождающемся и беспокойном мире перспектива жить, как прежде, под угрозой войны с соседом, который столько раз демонстрировал вкус и умение воевать, для нашей страны была бы несовместима с планами ее экономического развития, политической стабильности, общественного и морального равновесия, без которых все наши усилия останутся втуне. Не оставляет сомнений, что истощение Германии, оккупация ее союзниками, аннексия ее восточных территорий помешают на многие годы свершиться худшему. Но что затем? Какой путь должен пройти немецкий народ после своего неминуемого поражения? Выберет ли он путь мудрости и покоя? Надолго ли хватит этих перемен? От того, что принесет в этом плане будущее, будет зависеть наша безопасность. Но, поскольку будущее было неизвестно, следовало действовать так, как если бы угроза германской агрессии продолжала существовать. Какими гарантиями нам следовало бы заручиться, дав при этом возможность великому немецкому народу жить, идти по пути прогресса, сотрудничать с нами и со всем миром?

Централизованного немецкого рейха больше не должно быть! Вот, по моему мнению, каким должно быть первоочередное условие, при котором Германия не повернула бы вспять. Каждый раз, когда одна из наиболее амбициозных немецких стран подминала под себя остальные зарейнские государства и подавляла их политическую инициативу, поднимал голову империализм. Самым ярким примером этому являются правления Вильгельма II и Гитлера. И наоборот, если бы каждое из германских государств существовало независимо от других, со своим собственным правительством, следовало бы своим интересам, данное федеральное сообщество было бы далеко от мысли поработать своих соседей. Шансы на это увеличились бы, если Рурская область – арсенал стратегического сырья для Германии – получила бы особый статус под международным контролем. С другой стороны, прилегающие к Рейну немецкие земли, естественно, должны быть оккупированы французской, британской, бельгийской и голландской армиями. Если бы экономика этого района была связана с сообществом стран Запада и при этом ничто не мешало включить в него и другие германские государства, то, при условии превращения Рейна в свободный международный торговый путь, можно было бы создать здесь зону сотрудничества всех соседних стран. И, наконец, все говорило за то, чтобы Саарская область, оставаясь немецкой территорией, была признана отдельным государством, а ее экономика влилась бы в экономику Франции, что, благодаря наличию угля, решило бы вопрос о наших репарациях. Таким образом, германское сообщество сохранило бы свое разнообразие и свою связь с Западом, потеряв при этом возможность развития военной отрасли, но не экономики в целом. Даже более того, ни одна из немецких земель не будет аннексирована французами, что оставит двери для примирения широко открытыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.